

Евгений Григорьевич Толмачев родился в 1990 году в поселке Ракитное Белгородской области. Начал писать короткие рассказы, обучаясь на факультете журналистики Белгородского государственного университета. Публиковался в альманахе «Звонница», в общероссийском молодежном журнале «Наша молодёжь», на страницах электронного литературного журнала «Новая Юность». Работает корреспондентом департамента информационной политики Белгородского госуниверситета.

Евгений Толмачев

ВИТЮША

Рассказ

Жил Витюша бобылем. Встречаются на белом свете люди, которым судьба со всех сторон вставила клинья — ни здоровья, ни таланта, ни хитрости, чтобы устроиться сыто и удобно в жизни. Только живи и терпи все невзгоды, покуда хребет не треснет.

Его мать умерла давно. Это была, пожалуй, единственная женщина, которая относилась к нему с любовью и состраданием. Витюша поздно научился говорить, и то с ругани начал. В деревне рассказывали, что когда крестили его лет в шесть, то он испуганно кричал на изумленного подвыпившего попа: «Сволочь, утопишь!»

Лет до сорока жил Витюша вдвоем с отцом, Афанасием Гаврилычем, бывшим продавцом сельмага, известным по молодости своей жадностью: прятал ото всех в сарае в слежавшееся сено банки с тушенкой и иваси. А когда умерла жена, прозрел, осознав ответственность за судьбу неблагополучного младшего сына. Старшие-то дети давно развехались, жили в городе. Афанасий Гаврилыч придумал себе занятие на старости — взялся писать историю колхоза, который развалился лет десять назад, а земли его отошли во владение агрохолдинга, да вести учет мертвых душ: записывал, кто из односельчан и когда отошел в мир иной. Некоторые старики приходили к нему. Просили заглянуть в крас-

ную записанную книжку, дивились на имена и даты и, восхитившись каллиграфическим, кудрявым почерком Афанасия Гаврилыча, наказывали, чтобы он их не забыл, когда придет час. В день смерти Афанасия Гаврилыча Витюша корявенько внес в отцовскую книженцию последние сведения.

А когда старший брат и сестра после похорон уехали, плакал, зажав рот заскорузлой ладонью с грязными ногтями, под которыми чернела кладбищенская земля. Старушки, жившие по соседству, поджаливали Витюшу. Но большую заботу проявляла бабка Мотя — отдавала сироте помутневшие соленые огурцы в банках или сигареты, забытые приезжающими в гости сыновьями. Витюша ценил доброту, однако разок бабку обчитал на сто шестнадцать рублей, когда пошел на почту заплатить за газ, воду и электроэнергию себе и заодно бабке. Купил сигарет. Но это вскоре забылось.

Стараниями брата дали сироте третью группу. Когда-то давно, когда Витюша работал в колхозе скотником, его на рогах поносил племенной бык, травмировал ему ногу и голову. После этого несколько раз с несчастным случались приступы эпилепсии. Врачи запрещали пить, но Витюша прикладывался к бутылке. Играл с мужиками в карты, проигрывал, за что получал «на погоны» щелчки по лысине, ну и, конечно, прихрамывая, бегал «на точку». В глубине души он презирал собутыльников. Любил общаться с детьми или со стариками, то есть с теми, кто не мог его обидеть.

С детьми Витюша легко находил общий язык. Например, разговор начинался так:

— Жень, июль-ку — самый теплый месяц по погодным условиям!

Летом на лугу детвора гоняла в футбол. Издали на эту забаву с любопытством поглядывали из разлатого гнезда молодые аисты. Среди играющих выделялась сутуловатая высокая фигура Витюши, который, прихрамывая, самозабвенно гонял резиновый мяч, крича:

— А ну, давай, давай на меня, пасуй, пасуй!

Хитрые на выдумку и острые на язык деревенские мужики дали Витюше прозвище Гарринча.

Зимой Витюша захворал. Рассказывал, что в горле свербит, в груди болит. По ночам боялся спать, потому что, как ему казалось, на чердаке кто-то зловеще вздыхал, ходил и стучал. Иногда страх был настолько силен, что не давал сомкнуть глаз, но когда перед утром в окна через занавески из плотной желтой ткани пробивался мутный свет нового дня, ночные мороки растворялись и неохотно покидали жилище Витюши до вечера.

Бывал он у брата в городе, но недолго. Брат боялся жену, а она с пренебрежением относилась к приезжему родственнику, потому что тот редко мылся и разговаривал по-деревенски — «куды», «сюды». Дошло до того, что обедать брат водил Витюшу в столовую на В-ском бульваре. Витюша боялся города, шумных улиц. Белокаменный монастырь с собором, у ограды которого сидели на холодном сером тротуаре нищие, окружали высотные новостройки из бетона и стекла. Сирота оглядывался на обрванных нищих и про себя удивлялся, что среди них есть еще молодые мужчины и женщины. А когда увидел старика с разорванной штаниной, с виднеющейся раздутой от гангрены бордовой с черными пятнами голенью, ему стало дурно.

В столовой Витюша боязливо поглядывал на городских, смущаясь,

тихо, невнятно говорил женщинам на раздаче, что ему положить, а когда ел, то втягивал голову в плечи, словно боясь щелчка по лысине, и глядел в тарелку. Он чувствовал себя лишним.

— Поезжай-ка ты, Витек, домой, — сказал однажды брат, когда возвращались из столовой. — Пожил недельку — и хватит. У тебя там дом. Ну, что ты будешь ютиться в нашей квартире? В доме-то лучше. Я б и сам в деревню перебрался, на простор, только работа не дает.

— Ютиться?.. — ворчал Витюша. Он считал, что лучше терпеть пренебрежение невестки, чем жить одному. — У тебя ж три комнаты, дочка с мужиком отдельно живут.

— Нет, Витек, ну какая жизнь в городе? Шум, гам, нервные все. Поезжай.

— И поеду-ку, чтобы меня не стеснялся, — обиделся Витюша. — Идите вы знаете куда? Я ж не виноват, что никому не нужен.

— Ну почему ж не нужен? Мы тебя в санаторий определим.

— В санаторий? Какой санаторий? Куды?

— Да в хороший, тут недалеко. Будут за тобой ухаживать. Может, найдешь там себе бабу. А то сколько можно одному-то, ну?

...Вторую подряд зиму отправляли сироту не в санаторий, а в городскую больницу недели на три. Было там несколько палат, отведенных для бомжей и прочих горемык. Когда за Витюшей приезжала «буханка» с красным крестом, провожать сходились бабки, живущие по соседству. Витюша, убитый горем, словно его увозили на захоронение, растерянно глядел на старух, произносивших тоскливые речи, что даже водитель «буханки» доставал сигарету и задумчиво курил, а молодая медсестра для приличия не поспешала.

— Баб, вы тут следите, не забывайте, — мямлил сирота, влезая на подножку машины, оглянувшись. — Баб, вы тут глядите, чтоб не растащили.

— Мы будем глядеть, не волнуйся.

Витюша был в драной шапке-ушанке, в старой братовой шинели не по размеру, в которой тот пришел из армии, местами битом молюю красным шарфу, в дутьшах на синтепоне и держал в руке облезлую сумку с вещами. О чем он думал, глядя в окно машины на занесенные снегом белые поля, голые черные деревья лесополос? Бог его знает.

Февраль лютовал и ковал доспехи для последней битвы с весной. В печной трубе завывала вьюга. На окнах между миром свирепой зимы, жить которой осталось недолго, и натопленным мирком людей сплелись на стекле хрустальные узоры. Бабка Мотя варила суп. В тесной кухоньке пахло луком и морковью. Во вторник бабка никого в гости не ждала.

Вдруг раздался лай дворового пса и стукнули двери в сенях. В зеркале отразилась облепленная снегом фигура с вещевой сумкой. Это вернулся Витюша, принеся с собой морозного воздуха. Попросился ненадолго, потому что в его доме полопались батареи. Бабка налила гостю горячего супу.

— Баб, а можно я ишо посижу? — робко попросил он.

— Да сиди, сиди, — ответила бабка, обрадовавшаяся, что помогает больному в нелегкую минуту.

Насидевшись, гость спросил разрешения прилечь в зале на диван. Сердобольная бабка Мотя достала из скрини новое теплое одеяло с вышитыми розами, которое ей в подарок на День Победы привез в красивом пакете глава сельской администрации. Витюша освоился — включил те-

левизор. Посмотрели с бабкой, сидевшей с благодушным видом рядом на стуле, передачу про женитьбу, и от сытости и тепла его разморило.

Спал так, как не спал давно, а выспавшись, попросил вечерять. Бабка пожарила картошку и доверила Витюше ключ от погреба, где он выбрал себе понравившуюся банку помидоров.

Прошел день, второй. К бабке пришла соседка Настя, Витюшина ровесница, которая на похоронах Афанасия Гаврилыча задумалась во время отпевания и свечкой подожгла стоящему впереди деду рубаху. Дед встрепенулся, прервав молитвы священника трехэтажным матом, но обошлось — люди потушили. С тех пор дед возненавидел Настю за то, что односельчане с ее-то подачи дали ему прозвище Каскадер.

— Витькя, тот вон, — пыталась сформулировать претензию недалекокая Настя. — Что ты, тот вон, лежишь? Шел бы, тот вон, хату растоплять, а то, тот вон, приютился у бабки, тот тебя вон!

— Иди к ядрени мать! — рассердился Витюша, подхватившись с дивана. — Я не у тебя приютился! Тебе какое дело? Растоплять... Там тру-бам хана.

К вечеру пришла бабка Глаша:

— Витькя, ты что ль у бабки ишо?

Витюша что-то недовольно пробурчал из-под одеяла с розами. Бабка Мотя была не против, чтобы гостя уже как-нибудь отправили домой, потому молчала.

— Витькя, бессовестные твои глаза! — наседала старушка. — Ишо и телевизир включил. Обещались злыдни на три дня, а остались на усю жись!

Из-под одеяла высунулась лысина и посыпались, как из мешка, ругательства. Гнала, гнала бабка Глаша — не выгнала. Вскоре пожаловал старик Николай Федорович — ветеран труда. Наверное, бабки подбили. Пришел важный, снял в сенях пальто с каракулевым воротником, вошел в зал, тонко позванивая медалями на груди. В общем, выгнал Витюшу. Задавил авторитетом.

На улице ворочалась колкая мгла. В небе робко поблескивали белые, розовые и синие огоньки звезд. Родной дом показался Витюше чуждым и страшным — черные глазницы окон глядели зловеще, а острые сосульки волчьими клыками свисали над крыльцом. Вошел Витюша в пустоту и хлад своего нетопленного жилища и закручинился. И, может быть, впервые задумался о своей жизни: такой же унылой, как остывший отчий дом. Вспомнилась ему мать, и так на душе стало тяжело, хоть сейчас ступай на кладбище и ложись. Лег Витюша в одежде на продавленный диван, укрывшись с головой одеялом, пахнущим мышами. Проснулся в тревоге поздней ночью, когда от мороза трещал неподалеку на реке лед. Однако разбудил его не треск, а что-то неведомое, что давно уже следовало за ним и что он, наконец, впервые увидел внутренним взором. Витюше казалось, что вся тоска, боль, какие возможны в природе, окружили его. На чердаке кто-то ходил, как раньше. С реки доносился треск, река словно вздыхала. Витюша лежал под одеялом, сомкнув веки. Перед утром увидел свою мать, которая звала его в даль, залитую светом...

Пришла весна. Солнце пригревало, по улицам завертелись ручьи. Тощие петухи перекликались от души. Над лесом за рекой стояла мутноватая дымка. Прилетели грачи. Началась та добродушная, веселая суета, возможная только весной. Воздух мягок, пахло талой водой.

И в жизни Витюши наступили долгожданные перемены — жена бра-

та сменила пренебрежение на милость. Родственники приехали с хорошей вестью — решили продать дом в деревне за четыреста тысяч и забрать Витюшу в город, где он будет жить в одной из трех комнат, как кум королю. Потепление в отношениях имело под собой почву: брат с невесткой задумали сдать старую машину в автосалон, а для доплаты на новую денег не хватало. Сирота не соглашался, помня недоброе отношение невестки и подкаблучника брата. Уехали, но стали чаще навещать родственника, привозили гостинцы — то колбасы, то пирогов домашних с повидлом. Прошло лето, на опавших листьях засеребрился иней. Приближалась зима.

«Ну, а что? — прикидывал в сомнениях Витюша. — Пусть продают. Все-таки четыреста тысяч. Где они их возьмут-то? А тут я им вроде бы подарил. Не будут же они меня опосля этого притеснять?»

В середине ноября простился Витюша с бабками навсегда. Когда на старой машине брата отъезжали от родительского дома, объявление о продаже которого уже читали в районке, бросил печальный взгляд назад и как от невыносимой боли сомкнул веки. Во внутреннем кармане поношенной куртки с испорченной молнией лежала красная записная книжечка Афанасия Гаврилыча.

Когда я был школьником, это со мной Витюша гонял в футбол на лугу. Учась в университете, я приезжал на каникулы в деревню, и Витюша встречал меня, словно дорогого человека, расспрашивал про учебу с важным видом, хотя без ошибок не смог бы написать слово «университет».

Встретил его в городе случайно. На улице. Витюша был опрятно одет. Но что-то не так. Спрашивал про мою бабушку, передавал ей привет, а когда простились, шел, как тень, следом, точно силясь сказать нечто важное, и сказал:

— Забери меня отсюда.

В ответ на мое недоумение, Витюша добавил, блестя глазами:

— Не могу я с ними, нету мочи моей боле. Забери!

— Ну куда я тебя заберу?

Я спешил. Подойдя к автобусной остановке, обернулся: Витюша стоял, как потерянный, посреди тротуара, над ним возвышались многоэтажки, за которые закатывалось красное холодное зимнее солнце.

